

Ли Цинвэнь проснулся в постели Цзян Цуна, когда утро еще едва забрезжило, и поначалу пребывал в полнейшем замешательстве. В голове всплывали смутные обрывки воспоминаний: ночью было так холодно, что он инстинктивно прижимался к самому теплому месту, и вот теперь...

Пока юноша размышлял, его рука коснулась груди Цзян Цуна — та буквально пылала. Решив, что лихорадка вернулась, Ли Цинвэнь вмиг растерял остатки сна и испуганно позвал второго брата.

Цзян Цун принялся уверять, что у него всегда была такая горячая кровь, но больному веры не было. Ли Цинвэнь упрямо дождался Ли Цинчжо. Только когда тот несколько раз всё проверил и подтвердил, что жара нет, мальчик наконец успокоился.

Ли Цинвэню было немного неловко от того, что он, будучи уже совсем взрослым, забрался в чужую постель, но холод пугал его сильнее. Расставаться с этим естественным источником тепла не хотелось, и он еще немного помешкал под одеялом.

Наблюдая за тем, как быстро сменяются эмоции на лице мальчика, Цзян Цун лишь забавлялся. Он подал Ли Цинвэню одежду прямо под одеяло, помогая тому просунуть руки и ноги в рукава.

Юноша, устыдившись такой заботы, поспешно вскочил и, поеживаясь от утренней прохлады, натянул вещи на себя. Убрав постель, он нерешительно проговорил:

— Брат Цзян, если я ночью во сне снова начну ворочаться, ты не обращай внимания. Как замерзну, так сам и заберусь обратно.

Цзян Цун не сдержал улыбки.

— Спишь ты очень спокойно. Это я решил, что одному спать зябко, а вдвоем будет теплее, вот и перетянул тебя к себе. Что, неужели плохо спалось?

— Хорошо, очень хорошо! — замахал руками Ли Цинвэнь. — Просто я боялся задеть твою рану...

— Это не так-то просто сделать, — отозвался тот. — К тому же Цинчжо говорил, что раненую ногу нельзя переохлаждать.

Услышав это, Ли Цинвэнь тут же выпалил:

— Тогда я и впредь буду согревать постель для брата Цзяна!

Семь или восемь дней спустя

Когда они покинули провинцию Бинчжоу, земля покрылась инеем, и погода стала стремительно портиться. Люди невольно прибавили шагу: чем раньше они добирались до места ночлега, тем меньше времени проводили на ледяном ветру.

Придя в себя, Цзян Цун восстанавливался поразительно быстро. Он наотрез отказался от носилок и теперь передвигался самостоятельно, опираясь на костыли. Ли Цинчжо позволял ему разминаться, но строго запрещал переутомляться, настаивая на том, что ослабленному телу требуется больше отдыха.

За Бинчжоу потянулись безрадостные пустоши. Целыми днями путникам не встречалось ни одного города, а люди на дороге стали большой редкостью. Присутствие семьи Ли и выздоровление раненого вдохнули жизнь в колонну каторжан. Угрюмое молчание сменилось разговорами, люди словно обрели надежду.

Северный ветер нещадно хлестал по лицам, вызывая у всех раздражение. До цели оставался еще долгий путь, и стражники, измученные стужей, вымещали злобу на ссыльных:

— Чего плететесь, дохляки? Поторапливайтесь! Если бы не вы, проклятые, не мерз бы я сейчас в этой глуши!

Поначалу каторжане терпели нападки молча, но когда ругань стала совсем невыносимой, кто-то из бывших гвардейцев не выдержал и проворчал соседу:

— Ишь, как распетушился, щенок. Когда я разбойников в горах рубил, он еще у матери в утробе не сидел!

Слова, подхваченные ветром, долетели до ушей конвоира. Тот вмиг взвился и, замахнувшись плетью, обрушил удар на говорившего.

— Ах ты, пес шелудивый! В колодках, а голос подаешь? Мало тебя учили!

На морозе кожа плети задубела и била больно, словно резала ножом. Каторжане бросились врассыпную, но разъяренный мужчина намеревался во что бы то ни стало избить болтуна до полусмерти. Ссыльные, скованные тяжелыми колодками, не могли тягаться в скорости с охранником. Когда плеть уже была готова опуститься на спину беглеца, чья-то рука перехватила её на лету.

Цзян Цун, крепко сжимая плеть, спокойно произнес:

— Брат страж, все мы наглотались ледяного ветра и не в духе. Позволь мне принести извинения за него. Прояви великодушие, забудь об этой оплошности. Путь у всех нас нелегкий.

Стражник, ослепленный гневом, даже слушать не желал. Он обеими руками вцепился в рукоять, пытаясь вырвать оружие, но то словно выросло в ладонь Цзян Цуна.

— Ах так! Значит, каторжники смеют руку на закон поднимать? Жить надоело?!

Он тут же позвал товарищей на подмогу, собираясь проучить дерзких ссыльных.

— Стоять! — зычно крикнул старший стражник. — У кого-то, я вижу, слишком много сил осталось? Раз так резво прыгаете, значит, идем сегодня на двадцать ли больше!

Конвоиры, хоть и кипели от злости, не посмели ослушаться приказа. Бросив на каторжан полные ненависти взгляды, они развернулись и пошли вперед. Командир конвоя слов на ветер не бросал. Колонна миновала почтовую станцию без остановки. Шли до самой полуночи, пока ноги не стали подкашиваться. Этой ночью им предстояло ночевать под открытым небом.

Ли Цинвэнь в этот день не нес носилки, но выбился из сил не меньше остальных. Стоило отряду остановиться, как он бессильно привалился к повозке, не в силах шевельнуть и пальцем. Все разбрелись собирать хворост: в такую погоду остаться без огня означало верную гибель.

Юноша, преодолевая боль в натруженном теле, потащил охапку сухой травы мулу, когда услышал чей-то радостный крик:

— Цзян Цун, скорее! Смотри, заяц!

«Заставлять человека на костылях гоняться за зайцем?!»

Ли Цинвэнь закричал:

— Брат Цзян, осторожнее с ногой!

Но его слова потонули в ликующих возгласах. Ли Цинжуй, вернувшийся с водой, принялся разводить костер.

— Сегодня на ужин будет мясо, — довольно проговорил он.

Ли Цинчжо расстелил сухую траву у огня, накрыл её куском старой грубой ткани и положил сверху одеяло. Ли Маоцюнь, не привыкший к таким церемониям, просто бросил свой скарб на землю, но, заметив старания племянника, усмехнулся:

— Ишь, какой заботливый. Одеяло-то совсем новое. Видно, мать ваша так боялась, что вы замерзнете, что отдала самое теплое.

Ли Цинжуй присмотрелся и добавил:

— Цинчжо, кажется, это то самое, что матушка шила тебе к свадьбе...

— Сейчас оно нужнее, а о свадьбе потом подумаем, — отмахнулся тот.

Ли Цинвэнь, напоив скотину, ласково погладил мула по гладкой шерсти. Людям было тяжело, но животному, тащившему тяжело груженую повозку, приходилось еще труднее.

Вскоре вернулись Цзян Цун и Цзян Липин, неся несколько тушек. Некоторые зайцы были еще живы и отчаянно дрыгали лапками. Ли Цинвэнь не удержался и погладил пушистый мех — замерзшим рукам стало удивительно приятно.

— И впрямь поймали?

— А то как же! — отозвался один из каторжан постарше. — Пока с нами брат Цзян, ни одна живность от нас не уйдет!

Мужчина одолжил у Ли Цинжуя нож и привычным движением освежевал тушку, содрав шкурку одним ловким рывком. Цзян Липин, добив последнего зайца, покачал головой:

— Старееет Цзян Цун. Раньше одним ударом наповал бил, а теперь — видишь? — со второго раза только.

Цзян Цун в это время сидел неподалеку, пока Ли Цинчжо выдавливал из его раны гной и сукровицу, и лишь усмехнулся в ответ:

— Шкурки только не выбрасывайте, выправьте как следует.

— Будь спокоен, — отозвался старина Сунь, принимаясь за дело.

Мясо порубили на куски и забросили в котел. Посолив похлебку, её оставили томиться на огне. Повозки расставили кругом, чтобы хоть немного защититься от ветра, а внутри разожгли несколько костров. Над головой раскинулось холодное ночное небо с редкими колючими

звездами.

Ли Цинвэнь грелся у огня, чувствуя, как тепло медленно возвращается в его промерзшее тело. Сон уже готов был сморить его, но дразнящий аромат мясного бульона заставлял бороться с дремотой — юноша надеялся сделать хотя бы глоток горячего варева.

Когда мясо сварилось, Ли Цинжуй отнес две чаши старшему стражнику. Тот молча принял подношение, лишь буркнув, чтобы все ложились спать поскорее — завтра предстояло одолеть еще семьдесят ли.

Ли Цинвэнь дождался своей порции: накрошил лепешку в наваристый бульон и с аппетитом съел несколько кусков нежного мяса. Согревшись, он тут же уснул без задних ног.

Цзян Цун, допив свою кашу, заметил, что мальчик уже спит, а вокруг его рта поблескивают следы жира. Он осторожно вытер губы Ли Цинвэня, помог ему снять обувь и хорошенько укутал одеялом, подоткнув края со всех сторон.

Ли Маоцюнь, грызя заячью голову у костра, негромко рассмеялся:

— Сынок-то шел сюда, чтобы за братом Цзяном присматривать, а вышло наоборот — брат Цзян за ним как за малым дитятей ходит.

Цзян Цун, как только перестал нуждаться в носилках, почти всё делал сам: и повозкой правил, и воду носил, и огонь разводил. Забота Ли Цинвэня ему теперь почти не требовалась.

Ли Цинжуй тоже улыбнулся:

— Не зря он его «старшим братом» кличет.

Над лагерем поплыл разноголосый храп. Ночь становилась всё холоднее. Под завывание северного ветра костры начали затухать, а стражники, дежурившие у огня, давно провалились в сон.

Вдруг от земли отделилась темная тень. Крадучись, кто-то начал пробираться к спящим каторжанам.

Цзян Цун мгновенно открыл глаза и громко, настойчиво закашлялся. Тень вздрогнула от неожиданности, и какой-то предмет со звоном упал на землю. В слабом лунном свете на миг блеснуло лезвие кинжала. Воцарилась тишина. Тень помешкала, затем торопливо подобрала оружие и скрылась во тьме.

На следующее утро

Цзян Липин отвел того каторжанина, что повздорил с конвоиром, принести извинения. Стражник бросил хмурый взгляд на Цзян Цуна, но промолчал.

Несколько дней изнурительного пути до полуночи окончательно вымотали людей. Даже стражники не выдержали и начали просить старшего о пощаде.

— Я делаю это не ради прихоти, — отрезал старик. — Сроки в подорожной указаны четко, опоздать нельзя ни на день. Дальше дорога будет еще тяжелее. Лучше сейчас выиграть время, чтобы в случае беды не угодить под трибунал за задержку.

После этих слов никто больше не смел роптать.

По мере того как рана Цзян Цуна заживала, Ли Цинвэнь воочию убедился в его мастерстве: тот сбивал дичь обычными камнями. Зайчатина теперь постоянно была в их котлах, и к тому времени, как они достигли города Лунбэй, у них накопилось уже семьдесят шкур.

Город Лунбэй

Лунбэй, который называли также поселком Лунбэй, когда-то был военным гарнизоном, охранявшим северные рубежи Великой Лян. Со временем сюда стекалось всё больше переселенцев, военные и гражданские стали жить бок о бок, и поселение разрослось в небольшой городок. Дальше на север жилья не было.

Впереди лежала тысяча ли безлюдных земель, где лишь изредка встречались почтовые станции, отделенные друг от друга сотнями ли пути. Поэтому в Лунбэе Ли Цинвэнь и остальные первым делом пополнили запасы провизии.

Не задерживаясь в городе, отряд миновал заставу. И в тот же миг начался снегопад.

На севере воздух был сухим, и снег падал не хлопьями, а жесткой ледяной крупой. Яростный ветер швырял эти колкие крупы в лица, и кожа мгновенно начинала гореть от боли, словно от порезов. Ноги каменели от холода за считанные минуты, а одежда, подбитая лишь тонким слоем кудели, была бессильна против ледяного дыхания севера. В одно мгновение пожелтевшие поля полыни и сухая трава скрылись под белым саваном. Мир вокруг стал

бескрайним снежным морем, где невозможно было разобрать дорогу.

Ли Цинвэнь не мог даже поднять головы из-за неистового ветра. Уткнувшись лицом в воротник из заячьего меха, он с трудом переставлял ноги. Цзян Липин и его люди были родом из провинции Хунчжоу и никогда прежде не видели такого буйства стихии. Самые молодые из них застыли в немом ужасе.

«Разве можно выжить в такую погоду? Дойдем ли мы до Пограничного города?»

Вскоре снег навалил глубоким слоем. Повозка застряла, и мул, извергая клубы густого пара из ноздрей, бессильно остановился. Всем пришлось навалиться на колеса, сопротивляясь режущему ветру. Кто-то, обезумев от страха и стужи, зашелся в рыданиях, но Цзян Липин грубо оборвал его:

— Жив еще, чего выть вздумал?! Хочешь уцелеть — шевелись!

Рана Цзян Цуна не выносила мороза. Поверх легкой повязки Ли Цинчжо обернул его ногу слоем тонкой ткани, а затем закрепил сверху шкуры, грубо сшитые Ли Цинвэнем. Все с трудом прокладывали путь в глубоких сугробах. Хуже всего было то, что поблизости не оказалось никакой станции, и им пришлось устраиваться на ночлег прямо в снегу.

Расчистив глубокий сугроб до самой земли, они собрали охапки сухой травы и развели костер. Снег под их руками таял, превращаясь в липкую жижу. Соорудив из снега и веток подобие укрытия, люди забились внутрь. Там было чуть тише, но холод всё равно заставлял зубы выбивать дробь.

Цзян Цун сидел на земле, мертвенно бледный. Глядя на то, как Ли Цинвэнь и Ли Цинчжо дрожат, словно нахохлившись перепела, он отдал им свою теплую куртку. На юге Великой Лян хлопок стоил дорого, и только зажиточные люди могли позволить себе одежду на вате. Собираясь в эти суровые края, семья Ли позаботилась о таких вещах.

Ли Цинвэнь, кутаясь в одеяло, пытался отказаться, но Цзян Цун властно притянул его к себе. Он укрыл мальчика своей курткой, крепко обнял и спрятал его окоченевшие ладони в свои широкие рукава. Ли Цинвэнь порывался проверить состояние ноги старшего брата, но побоялся, что холод проберется под повязки, и вместо этого укрыл его колени всем, что было под рукой.

За этот бесконечный день юноша промерз до костей. Даже в объятиях Цзян Цуна он долго не мог согреться, сотрясаясь от крупной дрожи. Тот сжал объятия крепче, чувствуя укол жалости и вины: если бы не он, этому ребенку не пришлось бы терпеть такие муки.

Ли Цинвэнь почувствовал, как изменилось настроение спутника, и, заикаясь от холода, проговорил:

— Брат... брат... в такой стуже тоже... тоже есть свои плюсы... По крайней мере, ни один... ни один разбойник не высунет носа... От холода можно... можно одеждой спастись, а у меча... у меча глаз нет.

Цзян Цун понимал, что мальчик просто хочет его утешить, и лишь тихо отозвался:

— Да.

Ли Цинвэнь прижался щекой к его груди. Когда он немного отогрелся и зубы перестали стучать, он отчетливо услышал размеренный, тяжелый стук сердца. Это дарило странное спокойствие.

— Брат, мне уже тепло. А ты не замерз? — прошептал он.

— Нет, — донесся голос сверху. — У детей кровь горячая, я словно жаровню в руках держу.

Ли Цинвэнь замер.

«Хотя этому телу тринадцать лет, раньше-то мне было шестнадцать или семнадцать!»

Он обиженно засопел и буркнул:

— Всё не так. По-моему, это у брата Цзяна кровь горячее.

Услышав в его голосе неприкрытое недовольство, Цзян Цун беззвучно рассмеялся.

— Хорошо. Значит, у обоих.

Ли Цинвэню показалось, что тот говорит с ним как с капризным ребенком. Он хотел было поспорить, но, почувствовав собственную беспомощность в руках этого сильного человека, лишь обреченно затих.

<http://bllate.org/book/15828/1436490>